

След от пощечины на лице Цинчжи давно исчез, но она продолжала плакать каждый день. Вначале Его Высочество еще мог проглотить немного лекарственного отвара, но потом начал его выплевывать. Даже попытка накормить его кашей заканчивалась тем, что он выплевывал все с кровью. За каких-то семь-восемь дней он заметно похудел.

Цинчжи не снимала одежду, ухаживая за ним, надеясь, что он хотя бы скажет, что голоден. Но за все эти дни он не только ничего не ел, но даже чай приходилось вливать в рот ложкой — он больше ничего не мог проглотить.

Когда ночью гасили свечи, Цинчжи часто ловила себя на мысли, что будто вернулась на десять с лишним лет назад. Засыпая у его кровати, она видела сны о том, как он в юности кашлял кровью. Сны были нечеткими, и она просыпалась в холодном поту, охваченная страхом.

Сяо Цинму сильно пострадал от ледяного яда, и в последние годы редко болел. Если у него поднималась температура, лекарства назначали с осторожностью, чтобы не усугубить состояние. Но в этот раз, когда только пробили третий час ночи, Цинчжи встала, чтобы напоить его чаем, и, коснувшись его лба, почувствовала жар. Она так испугалась, что чуть не уронила чашку.

После этого снова пригласили врачей, но все они твердили одно: сердце охвачено жаром, а лекарства не усваиваются. Это было похоже на искру, вспыхнувшую в ледяной глыбе, и охвещающие были бессильны помочь.

Врачи сказали, что если он не сможет есть, то придется готовиться к худшему.

Цинчжи с красными глазами несколько раз плюнула через плечо, взяла миску с кашей и вошла в его комнату, решив во что бы то ни стало накормить его. Но, подойдя к кровати, она снова расплакалась, звала его, но не получала ответа. Охваченная чувством вины и страха, она прижалась к нему и продолжала рыдать.

Вдруг человек на кровати кашлянул, и Цинчжи мгновенно замолчала, торопливо поднявшись, чтобы посмотреть на него.

Веки Сяо Цинму были красными, будто ему стоило огромных усилий приоткрыть их. Глаза его оставались неподвижными, и лишь спустя некоторое время он хрипло произнес:

— Ацзе.

Цинчжи, только что сдерживавшая слезы, снова заплакала, поспешив взять его руку, которая едва поднялась.

Цинчжи и этот князь выросли вместе, и во дворце Саи не было деления на высших и низших — только старших и младших. Сяо Цинму с детства называл ее «ацзе», но после той тяжелой болезни более десяти лет назад он больше никогда не произносил это слово.

Тот маленький князь, который когда-то просил ее сделать воздушного змея, наверное, навсегда погиб в дворцовых интригах.

Сяо Цинму безучастно смотрел перед собой и вдруг спросил:

— Ты забрала свои браслеты?

Цинчжи на мгновение задумалась, затем вспомнила, о чем он говорит, и поспешила снять

браслет с запястья, положив его ему в руку. Она с трудом сдерживала рыдания:

— Давно забрала, посмотри.

Сяо Цинму слегка пошевелил пальцами, затем закрыл глаза и медленно произнес:

— Забрала... Так почему ты плачешь?

Цинчжи не могла сдержать слез. Когда-то этот браслет был обманом отобран дворцовой стражей и продан, и потребовалось немало усилий, чтобы вернуть его. Но все это произошло много лет назад, и теперь, когда он вспомнил об этом, Цинчжи невольно подумала о некоторых неприятных слухах, охваченная страхом и растерянностью.

Она беспомощно потрогала его лоб и спросила:

— Ваше Высочество, вы голодны? Я покормлю вас кашей, хорошо?

Сяо Цинму слегка покачал головой, и Цинчжи заплакала еще сильнее.

Он посмотрел на нее, снова кашлянул и, словно успокаивая, с трудом произнес:

— Не то чтобы я не хочу есть... Просто горло болит.

Цинчжи, не в силах поднять голову от рыданий, всхлипнула:

— Это все я виновата...

Сяо Цинму слегка пошевелил пальцами и сказал:

— Хватит... Все эти врачи говорят, что я не выживу... Но я все еще...

Он внезапно начал сильно кашлять, и Цинчжи поспешила поддержать его, мягко похлопывая по спине. Она плакала:

— Ты же знаешь, как тяжело было вернуть тебя к жизни... Что с тобой случилось? Почему пара пощечин привела к такому? Если с тобой что-то случится, мне будет стыдно предстать перед супругой Цзин.

Сяо Цинму тяжело вздохнул, будто наконец вспомнил, где он находится, и сказал:

— Тогда я так хотел жить... Боялся, что если умру, тебя будут обижать... Нельзя больше терпеть обиды, иначе жить бессмысленно...

Цинчжи поднесла белую кашу к его губам, стараясь сдержать слезы, и тихо сказала:

— Тогда поешь немного. Если ты поправишься, никто не сможет меня обидеть.

Сяо Цинму опустил взгляд, затем отвернулся.

Цинчжи не смогла сдержать рыданий, ее руки дрожали, держа миску. Она умоляла:

— Пожалуйста, поешь немного, умоляю тебя...

Сяо Цинму долго смотрел на роскошный балдахин над кроватью, будто пытаясь вспомнить что-то, но был слишком утомлен, чтобы думать. Он не хотел говорить, его горло действительно

болело, и каждое слово было как глоток раскаленного железа.

Сяо Цинму подумал: «Тот старый шарлатан сказал, что я не проживу и двух лет, но я уже прожил более десяти. В этом не было ничего, о чем стоило бы жалеть».

Сяо Цинму действительно был сломлен душевной болью, но какая именно боль ввергла его в эту бездну? Может, это была беспомощность детства, или страдания, вызванные им самим. Он не был глупцом, который годами жил в притворной болезни и не мог отпустить прошлое — он уже отомстил за многие обиды. Человек, не раз побывавший на пороге смерти, не тратит силы на размышления о смысле жизни — само выживание уже истощило все его силы.

Кровь под прекрасной внешностью князя Цзинь давно застыла от тайных дворцовых интриг, и от конечностей до сердца будто не осталось ни капли тепла. Лед накапливался так долго, что даже под палящим солнцем он ощущал, как образуются ледяные иглы.

В детстве он думал, что может дотянуться до синего неба и яркого солнца, будто, отпустив нитку воздушного змея, он сможет коснуться самого яркого света. Но теперь он не мог понять своего детского «я» — ведь этот ослепительный свет погас так же легко, как задутая свеча.

Его сердце должно было быть пустынным, но откуда-то появился дикий огонь, то разгорающийся, то угасающий, будто готовый превратиться в дым, но незаметно прожегший ледяные просторы, скрывавшиеся годами.

Ледяная пустыня вдруг обрела мягкое дыхание весны, и он больше не был несокрушимым.

Сяо Цинму, находясь в полубреду, почувствовал, что плач Цинчжи стал далеким. Он равнодушно подумал: «Перед смертью у человека отключаются чувства. Как жестоко».

Вдруг дверь с грохотом распахнулась, и Яньчжу в несколько шагов оказалась у его кровати, дрожащим голосом произнесла:

— Ваше Высочество, письмо от Сухуай!

Услышав имя «Сухуай», Сяо Цинму слегка вздрогнул, будто в его сердце прозвучал резкий звон, и его почти застывшие мысли медленно начали возвращаться.

Цинчжи, словно увидев спасительную соломинку, взяла письмо, торопливо взглянула на конверт и дрожащим голосом сказала:

— Ваше Высочество, на нем написано: «Лично четвертому князю». Это письмо от того молодого генерала. Хотите, чтобы я вам его прочитала?

Сяо Цинму с трудом пошевелил веками, наконец повернул голову и, снова кашлянув, хрипло произнес:

— Открой.

Цинчжи дрожащими руками вытащила письмо, и что-то выпало из него. Она наклонилась, чтобы поднять, и торопливо протянула ему:

— Ваше Высочество, это красная бирка, на ней есть надпись.

Сяо Цинму слегка приподнял взгляд. Надпись была мелкой, и после долгой болезни он почти не мог разглядеть что-либо. Когда бирку поднесли ближе, он увидел лишь размытое золотое

пятно.

Цинчжи, полная надежды, смотрела на него и, заметив его нахмуренный взгляд, сразу поняла, что он хочет прочитать. В ее сердце затеплилась робкая радость, и она поспешила сказать:

— Ваше Высочество, я вам прочитаю. Это, похоже, предсказание из храма. На бирке написано: «Чжисюэ Инчжао» — а на обратной стороне: «Сломанная ветка и остатки снега встречают холодный дождь, долгая болезнь не выдерживает натиска, встреча с золотым вороном расправляет крылья, и сухая трава обретает дыхание весны».

Цинчжи, закончив чтение, наконец улыбнулась, слезы еще не высохли на ее лице. Она посмотрела на него и сказала:

— Ваше Высочество, это похоже на хорошее предсказание — хотите прочитать письмо?

Сяо Цинму пошевелил пальцами и сказал:

— Дай мне.

Цинчжи поспешила положить красную бирку ему в руку, наблюдая, как он медленно подносит ее к груди, и снова замолчал.

Это движение он совершал крайне медленно, будто потратил на него все силы. Цинчжи, охваченная грустью, едва сдерживала слезы.

Спустя некоторое время Сяо Цинму снова открыл глаза. Каждое слово давалось ему с трудом, и ему требовалось время, чтобы набраться сил для следующего. Немного отдохнув, он снова хрипло произнес:

— Я сам прочитаю.

Цинчжи не осмелилась отойти, помогла ему слегка повернуться на бок, положила письмо перед ним и отошла на шаг.

<http://bllate.org/book/16145/1446091>